

Илья Кнабенгоф

Порно морепродуктов

Цикл стихов, написанных в ранней юности (1985-1990гг.)

«Аквариум – это не просто название группы. Аквариум – это стиль жизни!»(с) Севва Гаккель

Мексиканский перебежчик

Голову приподнял, присел с краю.

Могут съесть! Знаю!

Хищные тупые зубы, мясо в сласть -

Это их власть!

И тут главное хвостом в капкан не попасть.

Ухо на прицеле. Кто чего услышал?

Сел, лёг, встал, плюнул и вышел.

Руки на стену! В железе окно.

Граница. Мексика. Не повезло.

Денег в земле на много лет.

Продай свободу! "В продаже нет".

Пустые прилавки, хохот и свист.

Маленький хитрый контрабандист

Хочет по песку уползти в радости!

Кто его остановит? Кто не поймёт?

Все хотят домой, когда не прёт.

Детство и Ленин

Я с детства рос весёлым парнем,
И Ленин мне как папа был.
Я пил простоквашу, кушал кашу,
По жизни пёрся, по течению плыл.
Мечтал о встрече с вождём народов,
Отрепетировал слово " здрассте ".
Но вот подстава, не дождался встречи.
Не в кайф случилось. Дедушка Ленин умер.

Пионерский костёр

Сидеть у огня и придумывать песни
Всё ж лучше, чем мучить жопу в кустах.

Игры в карты

Богатства глупо ждать от карт,
Всю жизнь по картам не расскажешь,
Всю жизнь на карту не поставишь.
Ну и зачем тогда мне карты?!

Хандра

Накрапывает дождик. Тоска.

Капельки по окнам с утра.

Горланят пионеры песенки свои,

Шлёпают по лужам туды-сюды.

Засиженные стулья в пыли,

Черные под глазом круги.

Кончилась горячая вода.

Опять пришла зима, подруга ненаглядная.

Друг за другом в небо друзья.

Тазиком накрылась семья.

Старики запели песенки свои,

Шлёпают по кладбищу туды-сюды.

Вот бы травки южной курнуть,

Да чего б на блюдце взболтнуть,

В руки взять гитарку бы скорей,

Да по жизни двинуть своей.

Осенний ларёк

Заиграл в желудке симфонический оркестр,

Или, может, квартет?

На ларьках в округе осенний семестр -

Таблички "пива нет!"

Может нам в Америку далёкую махнуть?

Пивка заморского, капиталистического глотнуть?

Торкнуло

Взойдёт на поле солнце, освещая путь далекий,

И волчьим воем рявкнет чёрная зима.

Как нет в природе дали большей, чем сады, упавшие в метель,

Так тенью незаметной листья кружатся, скрипя,

В молчанье танца, хоровода бездушных масок без улыбок.

В капюшонах смех.

Рождённый где-то на задворках дряхлой памяти.

Мой белый лист под неоконченной строкой затихнет,

И станет всё как есть.

И остановится фантазий колесо, калейдоскоп немислимых желаний.

И сеть картин в полупрозрачных куполах вершин мгновений.

Мгновенья, пойманного здесь, сейчас,

И никогда не узнанного теми, кого слепы глаза, а уши внемлют снам.

Но руки их не спят, и, может, снизойдёт до них,

Отжав "контроль", понять земную суть.
Тогда закрутит снова свою невиданную трель
Ночь, опалённая той мощью человека, что называют "сны" .
Но нет ни правды, ни отцов на этом свете,
Где рыщут по помойкам всадники огня,
Где крысы славят хлеб, а кровь смывает плесень,
Где чьи-то лица убегают в тесноту зеркал зимы.
Воспрянет небо, грозой зайдётся мир,
Расколется на камни склеп,
И всполох молний осветит упавших в грязь,
Где роет норы бесконечных коридоров Свет.
Начнётся пир!
Как нет суда на палачей неузнанных,
Так слепо жрут монеты немощные рты.
Больничным запахом пропахло небо серое,
В окне весна, а на дворе один лишь ты!

Птица

Птицей - рано или поздно.
Взлечу птицей и растворюсь в чёрной клетке неба.
Крыльями широкими, перьями скользкими увернусь от огня зари.
Заря. Рано или поздно.
Встанет пламенем последняя заря
Для первых птиц, для последних птиц.

Птицей - рано. Зарёй - поздно.

Куда же лететь?

Танцы теней

Не стоит верить всегда в прозрачность окна.

На окнах выжжено солнце, а за солнцем зима.

Пустотой жалобных лиц она смотрит в твой дом.

Когда-нибудь после, потом,

Я приду за тобой пустым окном.

С каждой ночью мне становится всё больше не по себе.

Зеркальные разговоры я завожу во сне.

В мире растянутых лиц и оранжевых слёз

С моей ядовитой подругой мы гуляем по стране своих грёз.

Проходя мимо окон, я снова вижу пустые мечты.

Это взрывы звёзд, это мир цветов, а может и ты.

Смех без улыбки поставил ногу на золотое крыльцо.

А ты, малыш, так и не понял, кто раздавил твоё лицо.

О Чернобыле

Рука хирурга стучит о камень.
Потеря жизни. Лекарства нет.
Противогазы мешают плакать
Бесславно умершим в свои семь лет.

Утро

Утро взорвалось снами.
И вдруг я понял,
Что всё гоняется по кругу
За тенью собственных идей.
А за окном всё так же копошились
Лица людей... лица людей... лица людей...

Устремления

Подруги и друзья! Приветствую я вас!
Вас тоже привело сюда желанье рушить звёзды?
И в вас живёт величие идей уничтоженья.
В каждом! Разве нет?!
Дык, может я не прав?
Огнём, водой, напалмом
Пытались сокрушить сей мир.

Не вышло, братцы? Нашёл оружие я!
Оно при мне, вот тут. Всё дело в нём.
Здесь сила разрушенья!
Безумие - вот сила, что низвергнет этот мир
Порядка и статичности. Бойтесь, сир?
А вы в себя внимательней всмотритесь!
Послушайте себя! Внутри один террор.
И вот тогда начнём, пожалуй, сцену...
Артисты в галстуках. Занавес! Мотор!
И берегитесь...

Танкисты

Так наш танк упрямо едет
По ларькам красивым жлобским.
Командир у люка бредит.
Он нашел второе солнце.
Не умеючи мы рулим.
А из-под колёс занудно
Кто-то ноет, что мы "гоним".
Ё-моё! Конечно трудно!

Порыв

Упиться пивом!!!

Что может быть лучше,

Когда стены квартиры

Пропитаны опытом времён,

Где над прихожей раздаётся сладкий звон.

А магнитофон упрямо с кассеты стружку нарезает,

И пишут песни без упоминания имён.

И здесь, на ржавой железяке

Звучит мой голос как живой.

Может я всё это ни к месту,

И ни ко времени вообще?

Пойду-ка я, да сяду в кресло,

И напишу большую книгу, в которой будут все!

Ода разведчику

Стол, кровать, диван с подушкой, два стакана, раскладушка.

Серый кот, да тётя Нюра в шашки режутся до ночи.

А я не сплю, страну спасая. Я - шпион секретной службы.

Всё пишу в свою книжонку, карандаш ломая в пальцах.

Принести хочу я счастье многим людям - идиотам,

Кто, не совладав с крышей, распустил язык свой длинный.

И сижу тут, затаившись, позабытый всеми напрочь,
В этой комнатухе сраной, пополняя свой каталог.

Ну а как придут фашисты, сразу вспомнят все героя.
Чай, не знаете, ребята, это ж я войну всю выиграл!
Дали нашему герою две бутылки пива "Колос",
И сидит теперь, припёртый, в четырёх стенах солидных.

Мимо люди мирно ходят, а в больнице, что напротив,
после галоперидола загибает ласты пареньь.
Он хороший был и славный. И писал ни что попало.
Всё про жизнь, да про соседей, про любовь, какой не знали.
Но не прёт жлобью, в натуре, про любовь читать романы.
Так «задвинул свои кони» чуждый элемент разведки.

О земле русской, матушке

Костёр висит над местом порченным,
Скитальцев рубища висят расхристаны.
И то не гром гремит, а зубы кованы.
За край рубахою, в полымя пальцами.
Павлином- веером ножи заточены.
Чернявой рожицей вся мама- Родина.

Дворняжка

Ночью – нелюдью с рюкзаком- котомкою
Забывтой кошкой бежать под крыши.
Бродячей собакой просить, поджав лапы,
У сытых и тёплых, железных дверей.

Назло

И даже когда весь мир, смеясь, плюнет тебе в лицо,
Когда вокруг только спины и не осталось почти ничего,
Что можно было бы взять с собой,
Чтоб раз не в кармане, так хоть в голове,
Закрой свои двери и пой всем назло.
Пусть будет весело и смешно, мне и тебе!

Очередной день

Который день, украденный у жизни,
Я провожу у запертой двери.
Я вдаль смотрю на трещину в заборе,
А в остальное время просто сплю.
Теперь меня не беспокоят птички.
Мне просто похрелу на них, как и на всё!
Я не хочу петь дальше эту песню,

И больше ничего и не спою!..

Рабочий быт

В набитый троллейбус с утра садились бабушки,
И, гремя бидонами с молоком, несли их дедушкам.
Тем, что спьяну бились вчера к соседям в дверь.
Спать мне не давали до утра! Такая у нас братва!
И только под утро я вдруг вспомнил о тебе, родная,
Страна моя, серая, кирпичная, девятиэтажная.

Толкаются танками и хамят в песочке мальчики,
И с голой задницей бегают да кричат взрослеющие девочки.
А на балконном поле вспаханном зреет конопля!
УРА! УРА! УРРРААА!

Авторская неизменная

Хорошо, когда хреново!
Клёво так, что мозги брызжут!
И душа вся нараспашку,
И все деньги по асфальту!
Хорошо! И чем хреновей,
Тем всё лучше у соседей,
У детей их, и у тёщи,

И у деда Авраама.
Всем ведь клёво до тупизма,
Даже, блин, до коммунизма!
И какое им всем дело,
Что не пишется вдруг песня
У меня, у горемыки, темной бестолочи круглой!
Так пускай всем будет клёво!
Вот тогда уж напишу я,
Что всё встанет с пяток на нос.
Как же будет им некстати
Моя авторская строчка,
Моя авторская песня
Про меня и про искусство
И про ёппанных соседей.

Ну а если парить дальше,
То всё по хрену мне стало!
Пью вот воду из-под крана,
И плевать хотел на прозу!
Кабы не было б соседей,
Разве стал бы я поэтом?!
Я б тогда за простоквашей
В жлобской очереди парил.
Там ведь тоже есть эстеты,

Хоть и спьяну, но без рук же!
Даже вот синяк под глазом,
Как у пионера- галстук.
И всё по хрену им тоже,
Только рожа не просохла.
Ну, а я назло соседям
Просто песенки фигачу.
Щаз вот по гитаре трахну,
Чтобы струны буквой "Ё",
И споём с тобою вместе
Про твоё и про моё,
И про солнце, и про небо,
И про песенки ночные.
Только ж все и так всё знают.
На хрена такая песня?!

Волшебная ночь

В моей квартире сегодня
Всю ночь на кухне течёт вода.
В моей квартире сегодня
Поссорились кошка с собакой, и спит она,
Та, что охраняет сегодня мой сон,
Пока я на кухне пишу стихи.

И свет из ванной лунной дорожкой
Плывёт, и глушит мои шаги.

Волшебная ночь 2

Создавая острова на бумаге, льётся вино.
Занавесками небо раскинуло тучи и закрыло окно.
Как спокойно мне сегодня сидится вдалеке от Земли.
Я гуляю сегодня по своим мирам, разжигая костры.

Извечный вопрос

Как мы могли забыть голос ветра,
Зовущий в чёрную бескрайнюю даль?
И крики птиц, стучащихся в окнах,
Пустых и тёмных, которых не жаль.
Холодной сталью перерезать надежду.
Задать вопрос своему отражению
" Когда же снова?", и не услышать ответ.

Ненавижу

Ненавижу я работу,
Все ларьки, хлебозаводы,
Душных "вокеров" запары,

Их тупые анекдоты,
Пилы, винтики, отвёртки,
По-хрен - на-хрен молоточки.
Ненавижу эту мерзость,
Ненавижу эту гадость,
Ненавижу эту радость
Для советской молодёжи!

Мастер и Маргарита

Даль неба бесконечна,
Где ворон смерти танцует беспечно.
Вечность мою отмеряет колокол,
Отлитый из танков, стреляющих в крест.
Вечный насест,
Теплое место для уличных крыс в фате подвенечной.
Зубастая свадьба и пир горой,
Где шизофрения смешалась с луной.

Юрию Гагарину

Синеглазый мальчик, зелёные сапожки,
Напряг свои мозги и откинул ножки.
Залилась слезами вечно бодрая страна:
Юрий Гагарин потерян навсегда!

Свежий бантик, помада на губах -
Моя соседка Оля в первых рядах.
Разосланы в космос к собратьям гонцы.
Отдаем концы!

Оранжевые очки

Когда устало укачу от многолапковых стараний
Площадки лестничной, на грани я сяду на ступеньку, чу!
Там наверху под чердаком, за лифтом, что жужжит размерно
В пыли лежит мое большое "НО". Ему там тихо и тепло, наверно.
Оно легко и бесшабашно усядется ко мне на нос,
И будет странно в завихрениях твердить мне что-то про насос,
Про мыслеформы, что прибиты к обоссанным кишкам лифтов,
Про те шаги, что не у двери, а те, что гонят волны снов.

Такие странные донельзя, но все ж родные облака
Вдруг станут сталью. Алюминий сглотнет пол пинты молока,
И станет кружкою железной в моей руке, и дрогнет мир.
Не смея спорить с этой силой. И многомерность всех квартир
Сольется в чем-то непонятном, и я, как Бог, совсем один
Посередь этого на жопе сижу и думаю: «Кретин!

Вся сила в стеклах никудышных! Они дают тебе обман,

Мол, всё так мило и волшебно, что бьется сердце в барабан!»
Я с переносицы сниму свое большое "НО", и сразу
Подвергнусь вовсе не экстазу, а общепринятому сну.
Вздохнут подохшие торчки, когда с улыбкою пространной,
Мечтая о планете странной, я спрячу снова в тайничок
Мою магическую слабость, эфира мутные сачки,
Мои оранжевые стекла, мои кислотные очки.

Бывший Химик

Кручусь в рулетку, вправо, навзничь,
В кровавой луже веер лезвий,
И синий свет да простыня.
Да что ж я, бя, всегда с уклона
Качуся буйной головою промеж распахнутых дверей?
И уж не мне рукопожатие, не в мою сторону "Налей!"
Девчонки в платьях, гром хлопущек,
А я офигевай, седей под ледяные перезвоны
Пробирок, колб, железных ложек.
В растворе плавающих мошек неисчислимое "не я".
Все через жопу! Не моя легла под стол шальная карта.
Начну с начала! Ведь могу! Да что мне эти супротив!?
Построю кооператив и применю талант без краю!
Легко пять формул набросаю, и будет средство для собак
От тех же вездесущих мошек, что вечно портят жизни кайф.

Я буду, жуть как, уважаем. Клиенты все ко мне на "вы".
Зарплата, телек, лапочка-жена,
Наград, ласкающих глаза, на стенке парочка созвездий.
Так что ж лежу я средь лезвий?!
«Вертел на болт" такой я эпилог!
Пора вставать и заниматься делом, пока совсем тут кровью не истек.
И что за дрянь себе схимичил?!
Впал в депрессняк, и хвост отпал.
Я чуть, бля, вовсе не попал, и мог бы просто "склеить ласты"!
Да ну ё на хрен енту пасту!
Уж лучше "Педигри" мутить!
Собачкам подогнать кайфов,
Чтобы они без лишних слов мне денежку свою платили.
Прощайте грязные сортиры, и наркоманский, тухлый взгляд!
Я вместо смерти сею жизнь.
Теперь я знаю, чего стою!
Мне в радости собачье счастье и вам секретик я открою
Про то с чего вам начинать:
Кончайте ныть и причитать!
Беритесь за руку, что ближе,
Не забывая про "спасибо". Ниже
В поклоне спину небесам!
А дальше ты счухаешь сам, как быть с деньгами и в престиже.

Прикрытие

Смотря со стороны, обглоданный руками,

Я знаю цену за безмятежный сон.

И даже разбудить тебя мне сил не стоит,

Но всё же терпеливо я слушаю твой стон

Во сне, что «жизнь» зовётся.

И я не тороплюсь.

Я знаю твою плату, и все твои слова,

Но я боюсь, что не удержат руки

Песок, что сыплю я из глаза в глаз,

И те свободы муки,

Где ум безудержный пытается пропасть.

И всем назло я жру хлеба и водку,

чтоб пронизательным ни шанса здесь не дать.

Что ждёт меня, глупца, коль выпрямился б в стать?

Рубаха с рукавами, иль гвозди с древесиной, аль костёр?

Нет, я хитёр, и подлеца играю.

А право подлеца - молчать!